

— Собираешься меня угробить? — Чи Чэн вытолкнул языком щеку, на его губах заиграла развязная усмешка, но в глубине глаз бушевал настоящий шторм.

Он рывком вытянул У Совэя за шиворот, прижимая к себе, а затем, обернувшись, осторожно передал его ассистенту:

— Держи его крепко. Если хоть волос с него упадет, спрошу с тебя по всей строгости.

Голос звучал так, словно доносился из самого ада, пробирая до костей ледяным холодом. Взгляд Чи Чэна стал мрачным и убийственным. Ассистент вздрогнул и, стараясь даже не касаться лишний раз, неловко подхватил У Совэя, пытаясь сгладить ситуацию:

— Господин Чи, вы не так поняли...

Он не успел договорить. Чи Чэн резко развернулся, и его кулак, рассекая воздух, с силой устремился вперед.

Господин Лэ потянул Лэ Ци за спину, что-то тихо ему втолковывая. Почувствовав покалывание в затылке, он почти инстинктивно подался назад, увлекая за собой брата, и чудом избежал тяжелого удара Чи Чэна. Сделав пару оборотов, он толкнул Лэ Ци в объятия подбежавшего охранника:

— Присмотри за ним.

Охранник потащил Лэ Ци прочь, совершенно игнорируя его возбужденные крики при виде Чи Чэна:

— Не держите меня! Чи Чэн, это ведь ты, Чи Чэн? Мне нужно тебе кое-что сказать...

Как бы он ни брыкался и ни кричал, двое дерущихся уже ничего не слышали.

Когда Го Чэньюй вошел в зал, увлекая за собой Цзян Сяошуая, внутри царил полный разгром.

— Охренеть, небо рухнуло. Сколько лет я не видел, чтобы Чи Чэн дрался, — Го Чэньюй был ошеломлен, и в его глазах читался нескрываемый восторг.

Цзян Сяошуай крепко вцепился в него:

— Веди себя прилично. Чи Чэн и сам справится, тебе нельзя вмешиваться.

Ты что, не видишь, что охранники стоят без дела? Если ты влезешь, масштаб конфликта изменится.

Го Чэньюй взглянул на Цзян Сяошуая, увидел в его глазах тревогу, и его природная склонность к неприятностям была подавлена.

— Доктор Цзян, будьте добры, помогите мне, — ассистент, весь задеревенел, осторожно передал пьяного У Совзя Цзян Сяошую.

Сам же он бросился в гущу событий:

— Господин У, господин Лэ, прекратите! Это недоразумение, чистое недоразумение...

Спустя пять минут ассистент с двумя фингалами под глазами стоял между Чи Чэном и господином Лэ, переполненный горьким чувством несправедливости.

— Господин Лэ, наш господин У был искренен, иначе не стал бы пить столько, чтобы составить вам компанию! Господин Чи тоже просто волновался за него, поэтому...

Он продолжал что-то лепетать, но двое мужчин лишь молча сверлили друг друга взглядами, в которых, казалось, искрило электричество.

Чи Чэн глубоко вздохнул, указал пальцем на господина Лэ, затем перевел взгляд на Лэ Ци, выразительно пригрозив тому, после чего подхватил У Совзя на плечо и широким шагом вышел из кабинки.

— Эй, не уходи! Я еще не все сказал... — Лэ Ци вырвался из рук охранника, намереваясь броситься в погоню, но господин Лэ схватил его за руку:

— Довольно. Домой.

— Брат, отпусти! Это же Чи Чэн, живой Чи Чэн! Я наконец-то увидел его вживую... — Лэ Ци прыгал на месте, пытаясь освободиться.

Господин Лэ сорвал с себя галстук, ослабленный во время драки, связал им руки дергающегося брата, наклонился, закинул его на плечо и быстро зашагал прочь.

— Не стоило мне потакать твоим выходкам.

Го Чэньюй и Цзян Сяошуай, наблюдавшие за всем этим как за шоу, посторонились, пропуская их, и спросили ассистента:

— Что вообще происходит с этими двумя?

У ассистента гудело в голове — он и сам хотел бы знать ответ.

Чи Чэн нес У Совзя, проходя мимо людей стремительным шагом, и прохожие поспешно отступали, боясь попасть под его ледяной, режущий взгляд. А человек на его спине ничего не замечал, время от времени издавая пьяные выкрики:

— Пьем... хе-хе-хе... не разойдемся, пока не упадем...

— Нельзя... надо домой, у меня комендантский час в девять...

— ...У-у-у, попа болит, Чи Чэн, ты гад...

— Не бей по попе, я мужчина, мужчина же...

— Извращенец, Чи Чэн, ты просто извращенец...

— Хи-хи-хи, Лэ Ци, все-таки ты понимаешь меня лучше всех, на душе так горько...

Чи Чэн, не выдержав, шлепнул У Совэя по упругой ягодице:

— Веди себя прилично.

Вернемся — я с тобой разберусь. От этого вкрадчивого голоса по затуманенной голове У Совэя пробежал холодок. Злится. Даже во сне злится. Он приоткрыл рот и, учуяв знакомый запах, со всей силы впился зубами в плечо Чи Чэна.

Чи Чэн глухо застонал, терпя жгучую боль, но его шаг стал лишь быстрее и неровнее. Ночной воздух был холодным, пробирая У Совэя до дрожи, и тот инстинктивно прижался к Чи Чэну, впитывая жар его тела.

Парковка была погружена в ночную тьму, и в тишине слышался лишь скрип кожаных туфель Чи Чэна по асфальту. Он достал ключи и нажал кнопку. Пик-пик. Мигнули фары, и Чи Чэн, замедлив шаг, направился к машине.

Он открыл дверь, бережно уложил У Совэя на заднее сиденье, аккуратно подобрал его длинные ноги и укрыл своим пиджаком. Закрывая дверь, он решил, что этого недостаточно, и, снова заглянув внутрь, подложил под голову У Совэя подушку. Убедившись, что тому удобно, Чи Чэн выпрямился и тихо закрыл дверь.

Щелк...

Тихий звук эхом отозвался в ушах Чи Чэна. Его глаза, острые, как у ястреба, скользнули в сторону источника шума, и от него повеяло смертельной угрозой. Вокруг было пусто, ни души. Чи Чэн не терял бдительности, осматривая каждую машину своим цепким, пробирающим до дрожи взглядом.

Мяу...

Из темноты выскочил рыжий кот, отряхнул лапу и уставился на Чи Чэна. Через три секунды оба отвели взгляд.

Чи Чэн сел в машину, настроил зеркало заднего вида и, увидев, что У Совэй спит спокойно, немного смягчился. Щелчок — он зажег сигарету. Сделав затяжку, он выпустил дым в

открытое окно, дождался, пока тот рассеется, и не спеша завел двигатель.

Го Чэньюй, ведя за руку Цзян Сяошуай, вместе с ассистентом подошли к парковке как раз в тот момент, когда машина Чи Чэна выезжала. Го Чэньюй уже хотел окликнуть его, как вдруг в темной парковке одна за другой начали загораться фары. Машины, словно призраки, потянулись следом за Чи Чэном.

— Раз, два, три... — Цзян Сяошуай широко открыл глаза, считая выезжающие автомобили.

Лицо Го Чэньюя помрачнело. Он потянул Цзян Сяошуай к своему Лексусу. Ассистент тоже вытащил ключи, направляясь к БМВ У Совэя. Всего за несколько минут парковка, где до этого не было ни одного свободного места, опустела наполовину.

— Боже мой, восемь машин... — Цзян Сяошуай пересчитывал их по пальцам, глядя на Го Чэньюя с явным шоком. — Кому Чи Чэн перешел дорогу? Восемь машин хвостом! Он что, разорил муравейник или взорвал Белый дом?

Го Чэньюй мастерски переключил передачу и вошел в поворот, его голос звучал холодно и серьезно:

— Сяошуай, звони Чэн-цзы, зови наших ребят. Он один не справится с такой оравой...

Цзян Сяошуай наконец осознал всю серьезность ситуации. Его рука, державшая телефон, слегка дрожала, аппарат чуть не выскользнул. Го Чэньюй накрыл его ладонь своей, незримо передавая ему уверенность.

На дорогах после вечернего часа пик было пусто, лишь изредка пролетали другие автомобили, но Чи Чэн не обращал на них внимания. Он притормозил, чтобы не разбудить того, кто спал на заднем сиденье. Когда раздался звонок от Го Чэньюя, Чи Чэн уже почувствовал неладное: машины позади него то и дело мигали дальним светом. Он несколько раз принимал вправо, уступая дорогу, но они не обгоняли — это означало, что преследователи действуют намеренно.

<http://bllate.org/book/19184/1883438>